

Ангела
Вант

*Чем вы готовы пожертвовать ради того,
чтобы исполнилось ваше сокровенное желание?*

ЖЕМЧУЖИНА

2-е издание, исправленное

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2011

И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. <...> А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города — чистое золото, как прозрачное стекло.

Откровение Иоанна Богослова 21:10, 21

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пока звучала запись рекламы, в которой я расхваливала достоинства матраца «Идеальная осанка», в радиостудию вошел продюсер Гэри Рипли и сунул мне под нос стопку только что распечатанных язвительных писем.

— Новая партия. — Он бросил листы на стол. — Кажется, пора для следующего часа придумать что-нибудь новенькое. Всем надоели разговоры про то, что делать с бабушкой.

4

Я взглянула на него, удивленно изогнув бровь, но он широко улыбнулся, прислонился к стене и поднял руки, словно желая сказать этим жестом: «*Не убивайте гонца, принесшего дурную весть*».

Я взяла лежавшее сверху письмо. Оно начиналось с самого ужасного обвинения, какое только можно сделать в адрес психолога-консультанта. «Совет, который вы дали женщине из Атланты, прозвучал словно из преисподней, — писал слушатель, видимо, мужчина. — Вы сказали, что ей следует бросить мужа? Заключая брак, люди дают обещание быть вместе в радости и в горе. А вы хотите отменить Божьи законы и установить свои собственные».

Я откинулась на спинку кресла. Мои щеки пылали. Мне было не привыкать к резкому тону писем, но критика по-прежнему уязвляла меня. Выступая на радио, я храбрилась

и бравировала, но всегда боялась причинить кому-нибудь боль своей бездумной и беззаботной болтовней.

— Гэри, — повернулась я к продюсеру, — ты помнишь женщину, которая звонила из Атланты?

— Ага, — промычал он, надувая пузырь из жвачки, который тут же громко лопнул, — звонила вчера, и ты посоветовала ей быстро собрать вещи и бежать без оглядки.

— Муж избивал ее, верно? Он сломал ей челюсть?

Гэри кивнул:

— Да, а месяц назад она попала в реанимацию по его милости. Неужели забыла?

— Нет, помню. — Я перечитывала письмо, теребя пальцами лист бумаги. — Просто мне хотелось убедиться, что я все верно запомнила.

Нет, мне не в чем себя винить. Бог завещал супругам поддерживать друг друга в горе и в радости, и я никогда не верила, что Он создал женщин лишь для того, чтобы их использовали как боксерскую грушу. Трусливый аноним, пришедший письмо, может болтать все что ему вздумается, но мой совет в данной ситуации был вполне логичным.

Положив письмо на стол, я взглянула на часы. Девять пятьдесят восемь. Еще две минуты до конца часа. Затем последуют восемь минут новостей и рекламы. Есть время для отдыха.

Я пробежала глазами остальные письма.

— Нашел еще что-нибудь интересное?

Гэри пожал плечами:

— Как обычно. Люди пишут, что ты нетерпимая и жестокосердная ведьма. А одна слушательница утверждает, что ты ненавидишь детей.

Я не удержалась и прыснула.

— Потому что я посоветовала ей отшлепать ребенка?

— Точно. Она говорит, что напишет на тебя жалобу в социальную службу.

— Ну, сначала она должна поймать меня на том, что я шлепаю собственных детей.

Я поднялась с кресла, потянулась и уперлась руками в бока.

— Но моих детей не нужно шлепать. — Я улыбнулась продюсеру. — Они просто ангелочки.

Гэри скорчил гримасу, но спорить не стал. У меня, правда, очень *хорошие* дети, ему это известно. Бриттани-Джейн восемнадцать лет, и главный ее недостаток — упорное желание принимать пищу в захламленном логове, которое она называет своей спальней. Что касается пятилетнего Скотта-Дэниела, то он просто прелесть.

Воспользовавшись перерывом, я вышла из студии, и Гэри последовал за мной. Мы направились на маленькую кухоньку, где стояла электрическая кофеварка. Наполнив кружки горячим кофе, мы наслаждались короткой паузой, не забывая посматривать на часы.

Зданием, где мы работаем, владеет компания «Open Air Communications». В нем находится несколько радиостанций, в том числе WUBN, главная цитадель хард-рока в северной части побережья Мексиканского залива; WSHH, передающая рок шестидесятых-семидесятых; WNAR, на волнах которой звучат композиции лучших джазовых музыкантов округа, и WCTY — голос нового кантри. В какое бы время вы ни заглянули сюда, вы увидели бы за окнами студий с полдюжины ведущих, слова которых, мудрые и не очень, разносятся на невидимых радиоволнах по всей стране.

Иногда эта мысль слегка кружила мне голову.

Гэри сделал последний глоток и показал на часы:

— Пора.

Я кивнула и последовала за ним по коридору. Когда мы проходили мимо студии WCTY, из открывшейся двери полилась песня в стиле кантри. Услышав слова «Без тебя мне так плохо, мне нужно, чтобы ты был рядом», я покачала головой.

Наш звукорежиссер Чад Поттер поставил музыкальную заставку, которая звучала в начале каждого часа моего шоу. Я проскользнула в студию и заняла место за столом.

На телефонном аппарате зажглось несколько лампочек; каждая из них означала, что дозвонившийся человек согласился подождать, пока закончится реклама, прозвучат новости и музыкальная заставка. Не перестаю удивляться терпению слушателей. Большинство из них ждет у телефона даже во время монолога, который я произношу в начале каждого часа.

Звуки музыкальной заставки стихли, я поставила локти на стол и надела наушники, чтобы слышать из аппаратной голос продюсера и звукорежиссера.

— Дорогие друзья и соседи, я вновь приветствую вас на *шоу доктора Дианы!* Знаете, некоторые считают, что весна приходит, когда появляются цветы и певчие птицы. А для меня она всегда начинается с выхода каталога фирмы «Норд-стрем». Я знаю, что внимательно просмотрю его — и буду выглядеть супермодно. Некоторые из вас думают, что невозможно стать модным, просто перелистав печатное издание, но я позволю себе не согласиться с вами. Ведь мода, по моему, это умение *надевать* новую одежду, а на следующий год *снимать* ее. Сейчас в моем шкафу полно вещей, оставшихся с той поры, когда я выходила замуж, и что-то подсказывает мне, что вскоре я опять поднимусь на гребень волны.

7

Я сделала паузу, взяла блокнот и пролиставла несколько страниц, не отрываясь от микрофона.

— Но когда я просматривала каталог в этом году, меня кое-что смутило. Не знаю, появились ли в магазинах подследники без пяток и подследники без пяток и носков, но скажите, для чего нужны эти вещи. Вы их *видели*? Полагаю, они предназначены для босоножек и сандалий, но не подходят ни для тех, ни для других. Например, подследник без пятки — по моему, сложно вообразить, чтобы вещь с таким дурацким названием была практичной, — представляет собой половину носка. Эти подследники — обыкновенные носки, только они доходят до свода стопы. Я хочу спросить вас: зачем они нужны? Может, для того, чтобы носить их с элегантными босоножками на высоком каблуке? Неужели эта *тряпочка* будет украшать ногу? — Я сделала секундную

паузу, и мой голос зазвучал более насмешливо. — А подследники без пяток и носков? Вы видели *это*? Чем-то напоминает гетры, которые мы все покупали, когда вышел фильм с Дженнифер Билс... ну, вы знаете, о сварщице, у которой была большая мечта — да, «Девушка-вспышка»! В общем, эти подследники покрывают только среднюю часть стопы, так что ваши пальчики и пятки остаются голыми и потеют или мерзнут, в зависимости от того, где вы проживаете — в Монтане или во Флориде.

Через прямоугольное окно аппаратной я видела, как Гэри закрыл лицо рукой. Ему известно, что большую часть моей аудитории составляют женщины, и потому он терпел, хоть и с трудом, обращенные к ним монологи.

— Подследники без пяток и носков, — шумно вздохнула я в микрофон. — Пожалуйста, скажите мне, что безумная мода на них скоро пройдет!

Я взглянула на список дозвонившихся слушателей, который Гэри вывел на монитор компьютера, и нажала кнопку первой линии.

— Карла! Рада приветствовать вас на шоу!

8

— Доктор Диана! Господи, не могу поверить, что говорю с вами!

Я бросила недовольный взгляд на Гэри. Неужели он не сказал ей, что нужно сразу переходить к делу?

— Карла, вы видели в магазине подследники без пяток? — спросила я, стараясь быть как можно приветливой.

— Нет... но соглашусь, что это звучит глупо.

— И я так думаю. Чем могу вам помочь?

— Понимаете, моя мать... то есть свекровь, она такая глупая, то есть я имею в виду грубая! Ой, я так нервничаю!

— Успокойтесь, Карла. Мы внимательно слушаем вас. — Я посмотрела на монитор. Рядом с именем Карлы Гэри напечатал: «Свекровь постоянно оскорбляет ее. Что посоветуешь?»

Конечно, женщина нервничает, потому что дозвонилась на радио, но я знала, что ей не по себе при мысли о том, что,

возможно, ее слушает свекровь... даю голову на отсечение, что *Карла* — вымышленное имя.

В телефонной трубке раздался тяжелый вздох, и на лице Чада, сидевшего за звукоорежиссерским пультом, появилось страдальческое выражение.

— Ладно. В общем, я люблю мужа, это правда, но свекровь меня просто бесит. Она критикует все, что я делаю: как я одеваюсь, готовлю еду, веду хозяйство. Понимаете, я работаю. И что с того, если полки немного запылились? Ее сын все равно не читает книги, так о чем волноваться? С некоторых пор мы с Джо стали поговаривать о том, чтобы завести ребенка...

— Джо — это ваш муж?

— Да. Простите, я должна была сразу сказать.

— И как долго вы женаты?

— Шесть месяцев. — Женщина опять тяжело вздохнула. Кажется, она рада, что я взяла инициативу в свои руки.

Я послала Чаду ослепительную улыбку и спокойным движением надела на микрофон чехол, показывая, что не хуже его знаю о том, что не следует пыhtеть и фыркать в дорогостоящее оборудование.

— Хорошо, что вы позвонили, Карла. Я рада, что вы не замалчиваете эту проблему, потому что если ситуация не изменится, вам придется мириться с ней столько, сколько будет длиться ваша семейная жизнь. А она, если так пойдет дальше, вряд ли, как я считаю, продлится дольше пяти лет. Жены перестают уважать мужей, которые позволяют своим матерям критиковать их, а ведь уважение — одна из самых важных составляющих брака. — Я немного помолчала, чтобы она уяснила, о чем я говорю. — Позвольте вас спросить, Карла. Что вы знаете о жизни свекрови?

— М-м... на самом деле не так уж много. А разве мне нужно знать?

— Думаю, это полезно. Через минуту мы поговорим о вашем муже, но сначала я напомним вам одно из моих любимых изречений. Вы готовы услышать его?

— Да, конечно.

— Вот оно: тот, кому сделали больно, делает больно другим.

Сидевший в аппаратной Чад щелкнул кнопкой, и прозвучали фанфары — этим музыкальным вступлением он открывал ту часть моего шоу, которую называл *объявление приговора доктором Дианой*.

Я улыбнулась Чаду и прикинула к микрофону:

— Если свекровь действительно к вам несправедлива, то, вероятно, она ведет себя так потому, что испытывает боль. Кто-то когда-то нанес этой женщине рану, и она до сих пор не простила обиду. Возможно, вы сознательно или бессознательно обидели ее своими действиями. Возможно, вы стали для вашей свекрови источником боли, хотя ее проблемы могут быть вызваны и другими причинами, которые не имеют к вам никакого отношения.

— Что же мне *делать*?

— Во-первых, спросите свекровь, не обидели ли вы ее чем-нибудь, скажите, что замечаете, как действуете ей на нервы. Поинтересуйтесь, что вы можете сделать, чтобы исправить положение. Если она вспомнит какую-нибудь обиду — например, ответит, что вы даже не заметили, что прошлись по ее петуньям, — извинитесь и предложите посадить цветы заново. Если же она будет отрицать, что плохо к вам относится, или станет утверждать, что вы ничем не обидели ее, ваша совесть может быть спокойна.

Во-вторых, побеседуйте с мужем. Скажите, что любите его всем сердцем, но вышли замуж за него, а не за свекровь. И если в следующий раз, когда она начнет бранить вас, он не извинится и не избавит вас от ее присутствия, вы будете глубоко разочарованы его поведением. Выходя замуж, Карла, вы оставляете родительское гнездо и прилепляетесь к супругу. Если муж не захочет проявить твердость, когда его мать будет ныть и жаловаться, — а она, поверьте, так и поступит, как только ее сын несколько раз встанет на вашу сторону, — вам придется смириться

с мыслью, что вы замужем за бесхребетным маменькиным сынком.

Чад щелкнул кнопкой, и радиоволны донесли до слушателей плач недовольного ребенка.

Я улыбнулась звукорежиссеру и стала слушать, как Карла забормотала в свое оправдание:

— Но я думала, что мужчины, которые заботятся о своих матерях, просто *запрограммированы* на такую же заботу о женах! Моя мама постоянно говорила, что я должна обращать внимание, как мужчина относится к матери, а Джо всегда был очень почтителен...

— Одно дело — относиться к женщине с уважением, и совсем другое — падать ниц при любом ее возражении. — Я понизила голос и приникла к микрофону. — Карла, я знаю, что это не просто, но, видимо, вам придется провести с мужем не одну воспитательную беседу, прежде чем он наберется смелости возразить матери. Жаль, что вы не заметили его чрезмерной податливости и уступчивости, когда только начали с ним встречаться.

— Я заметила его... ну, как вы сказали, но надеялась, что он изменится после свадьбы.

— Мужчины не меняются, милая, если только этого не захочет Бог. Они коснеют.

Я подняла вверх указательный палец, давая Чаду понять, что нужно поставить рекламный ролик, а сама сняла наушники и взяла телефонную трубку, чтобы продолжить разговор. Когда зазвучала реклама средства для борьбы с лишним весом, я сказала:

— Карла, мы с вами уже не в эфире. Послушайте, дорогая, я не имею в виду, что вам стоит бросить мужа. Но вы должны поговорить с Джо. Скажите, что вы любите его, пусть он почувствует себя вашим защитником. Возможно, этого будет достаточно, чтобы решить проблему. Если вы покажете мужу, что он способен противостоять целому миру, ему будет намного легче противостоять своей матери.

— Я попробую, — всхлипнула Карла. Хотя я тысячи раз слышала этот звук, он по-прежнему задевал меня за живое. — Спасибо, доктор Диана.

— Не за что, милая. Благослови вас Бог.

Я положила трубку и взглянула на ряд ярко-зеленых прямоугольников, мерцавших на мониторе; за каждым из них скрывался человек, который ждал моего ответа. Гэри передвигал интересных людей в начало списка, отсекая психов и тех, кто говорил не по делу.

Мы не испытывали недостатка в слушателях.

Сейчас ответа ждали сразу четыре человека. Судя по примечаниям Гэри, женщина на первой линии хотела поговорить о смешанных браках; мужчина на второй линии желал посоветоваться насчет трудного сына-подростка шестнадцати лет; на третьей была десятилетняя Тиффани, которой в школе задали подготовить сообщение; и на четвертой слушательница по имени Лила хотела разрешить свои сомнения насчет того, мудро ли она поступит, оставив наследство избалованному внуку.

12

Я бросила на Гэри удивленный взгляд: Лила, бесспорно, заинтересовала бы нашу местную аудиторию. Видимо, она оказалась полной тупицей, если продюсер поставил ее на последнюю строчку в списке. Хотя наше шоу транслировали шестьдесят две радиостанции — и каждую неделю их число увеличивалось, — слушателям из города Тампы были близки проблемы пожилых людей. Пожалуй, 75% нашей местной аудитории, особенно сейчас, в марте, составляли пенсионеры, которые перебирались на зиму в теплые края.

Сквозь широкое прямоугольное окно, отделявшее меня от технических мозгов передачи, я видела, как ловкие пальцы Чада, склонившегося над звукорежиссерским пультом, бегали по рычажкам и движкам, назначение которых оставалось для меня тайной даже после пяти лет работы на радио. Продюсер Гэри сосредоточенно сдвинул брови, принимая следующий звонок и приветствуя очередного участ-

ника радиошоу. Вот он поднял руки над клавиатурой — через секунду нажмет «ввод» и отправит информацию на мой монитор.

Закончилась рекламная пауза — я надела наушники и взглянула на экран. Я редко оспаривала порядок, в котором Гэри расставлял дозвонившихся радиослушателей, но сейчас у меня не было настроения обсуждать смешанные браки. Наверное, интереснее будет поговорить с десятилетней девочкой.

После музыкальной заставки я нажала на кнопку, чтобы побеседовать с маленькой слушательницей, ожидавшей на третьей линии:

— Тиффани, милая, ты здесь? Это доктор Диана.

В трубке — тяжелый вздох, затем приглушенный голос:

— Алло?

— Здравствуй, Тиффани. Ты хотела задать мне какой-то вопрос?

Еще один вздох, потом тихий детский смех.

— Это правда вы?

— Правда. Насколько я знаю, в школе тебе задали подготовить сообщение?

Глубокий вздох.

— Да.

— На какую тему?

Вздох.

— О докторе Диане.

Я рассмеялась:

— Тебе нужно рассказать обо мне? Что ж, дорогая, надеюсь, ты отнесешься ко мне добрее, чем мои критики. Ты хотела у меня о чем-то спросить?

— Да.

Я улыбнулась:

— О чем?

Разговаривая с Тиффани, я услышала в телефонной трубке неприятный женский голос:

— Задавай вопрос, бестолочь. Она ведь ждет.

Через секунду девочка еще раз вздохнула, а потом спросила:

— У вас есть домашние животные?

Я сжала пальцы в кулак. На мгновение у меня появилось желание добраться по телефонному проводу до этой женщины и сказать ей пару ласковых слов за то, что она назвала *бестолочью* десятилетнюю девочку.

— Да, милая, у меня есть собачка. — Я старалась говорить как можно мягче. — Это китайский мопс. Малыша зовут Тервиллигер. В основном он сидит в комнате сына, потому что они одного возраста. Они лучшие друзья.

Тиффани рассмеялась. У нее приятный переливчатый смех.

— Наверное, он хорошенький.

— Да, моя прелесть, к тому же смысленный. Иногда люди смотрят на него и думают, что он глуповат, потому что у него забавная приплюснутая мордочка, но они ошибаются. Тервиллигер — для краткости мы называем его Твигги — отличный песик. Ему все равно, что думают о нем люди, потому что он знает: у нас ему хорошо. — Я немало помолчала. — Ты поняла, малышка?

— Ага.

— Это все, что ты хотела узнать?

— Ага.

В трубке опять раздался женский голос:

— Скажи спасибо, идиотка, и положи трубку.

От злости у меня загорелись щеки.

— Кто с тобой, Тиффани? Твоя мама?

— Ага.

— Будь добра, передай ей трубку.

Девочка ничего не ответила, но по характерному шелканью я поняла, что она переключает телефон. Через секунду я услышала голос женщины. Теперь она говорила более сдержанно:

— Алло?

- Вы мать Тиффани?
- Да.
- У вас прелестная девочка.
- Ну, спасибо.
- Как вас зовут, дорогая?
- Анна.

— Видите ли, Анна, я не знаю, что там у вас происходит, и, возможно, чего-то не понимаю, но ваша дочь заслуживает лучшего отношения. Возможно, у вас был тяжелый день, но ребенок не станет слушаться, если называть его *бестолочью* и *идиотом*. За две минуты вы оскорбили свою дочь...

Я услышала резкий щелчок и перевела глаза на Гэри, но тот только пожал плечами, что означало: «*Она положила трубку*».

— Что ж, — продолжила я, понимая, что Тиффани и ее мать еще слушают меня, — давайте запомним одну вещь. Словом, может быть, и нельзя убить, зато можно сильно ранить. Если вы хотите дать ребенку прозвище, то пусть оно будет приятным. Мой муж всегда называет нашу дочь *конфеткой*, а меня, — я сделала над собой усилие и рассмеялась, — *прелестью*. Не знаю, подходит ли мне это слово, но благодаря ему я чувствую себя прекрасно. Мы так и должны поступать с нашими любимыми... давать им возможность подняться выше обычного уровня.

Я нажала на кнопку и, пока звучал двадцатисекундный рекламный ролик, просмотрела список звонков: вверху появилось новое имя. В правом ухе послышался тонкий голос Гэри:

— Еще один звонок на линии. Будь осторожна: он похож на психа.

— Понятно.

Я прочитала примечание Гэри: «Том. Подозревает, что жена собирается уйти от него. Кажется, он в отчаянии» — и понимающе кивнула. Ожидая, когда закончится десяти-

секундная музыкальная заставка, я постукивала карандашом в такт зажигательной латиноамериканской музыке. Под ее аккомпанемент торжественно, с придыханием прозносилось мое имя.

У меня было хорошее настроение. Утром звонили интересные люди и говорили о реальных проблемах. Ни одного занудного вопроса о смертной казни, политике или абортах. Мы обменивались мнениями по этим проблемам, и вертелась карусель бесконечных споров, будоражащих нервы и ведущей передачи, и ее слушателей. Время от времени звонившие поднимали какой-нибудь из вечных вопросов, и обычно я просто говорила, что звонок сорвался, особенно если они начинали грубить. По-моему, нет ничего страшного в том, чтобы прерывать озлобленных людей, но затем мне приходилось битый час объяснять свои действия благонамеренным слушателям, считавшим, что «свобода слова» означает «свободный выход в эфир».

Музыкальная заставка закончилась, и я нажала на кнопку первой линии:

— Здравствуйте, Том! Спасибо, что позвонили.

16

— Доктор Диана? — Голос показался мне неестественным, как будто человек пытался справиться с сильными эмоциями. Интонация, с которой был задан вопрос, заставила меня вспомнить комментарии Гэри и почувствовать, что уровень адреналина у меня в крови стал выше на пару процентов.

Я напряглась:

— Том, я вас слушаю. Вы хотели что-то рассказать о своей жене?

— Она уходит от меня.

Секунду я ждала, когда он продолжит, а затем быстро спросила, чтобы в эфире не было пауз:

— Почему вы так думаете?

— Она укладывает чемоданы в машину. И забирает мою малышку.

Я взглянула на Гэри. Тот скрестил руки на груди и кивнул.

— Том, — произнесла я и поставила локти на стол, — вряд ли я могу чем-то помочь вам в эту минуту. Вы спрашивали жену, почему она от вас уходит?

— Да. Она нашла другого мужчину и собирается жить у него. Я сказал ей, что умру, если она меня оставит, но ей все равно.

— Уверена, что не все равно, Том. Но, наверное, сейчас она немного запуталась.

Злые нотки, прозвучавшие в его голосе, заставили меня замереть.

— Ей плевать, хотя я вытащил из шкафа пистолет. Она видела это, но пошла к машине и потащила за собой дочь.

Сердце у меня екнуло, и я сжала руками наушники:

— Пистолет?

— Да, я держу его в руке. И он заряжен.

Я посмотрела на Гэри. Выражение беспокойства на его лице сменилось паническим ужасом. У Чада, напротив, был такой довольный вид, будто он обрадовался, что в эфире неожиданно разыгралась драма.

— Том, вы должны положить пистолет на место. Наверняка вы напугали жену, и потому она уезжает от вас вместе с дочерью.

— Я никогда не причиню им боли. — Он сделал паузу, словно хотел оценить собственное заявление, затем продолжил: — Но я хочу убить себя. Когда жена вернется в дом, чтобы посмотреть, не забыла ли что-нибудь, то увидит меня лежащим на полу. Тогда она возьмет трубку, и вы расскажете ей, почему я это сделал.

Я вцепилась пальцами в край стола:

— Стоп. Не думаю, что я готова участвовать в осуществлении вашего плана, Том. По-моему, торопиться не стоит.

Господи, помоги мне!

Я лихорадочно искала решение, пытаюсь вспомнить стандартные способы выхода из подобных ситуаций. Если пациент угрожает покончить жизнь самоубийством, психолог должен сохранять спокойствие. Изъять оружие, если это

возможно. Взять ответственность на себя. Показать, что никуда не уйдешь. Сказать, что любой выход лучше, чем самоубийство. Психолог должен быть дружелюбным, но, главное, чувствовать себя уверенно.

Мысленно попросив Бога даровать мне мудрость, я вновь приникла к микрофону:

— Я рада, что вы позвонили, Том, потому что мне хочется вам помочь. Сегодня у вас был тяжелый день, но ведь это не конец света, верно? Жена уходит. Но даже если она уедет вместе с дочерью, она не сможет разрушить те особенные отношения, которые существуют между вами и вашим ребенком. Вы всегда будете ее отцом. Согласны?

Пока Том бормотал что-то невнятное, я схватила блокнот и маркер, который кто-то оставил на столе, и написала печатными буквами: «НОМЕР ТЕЛЕФОНА?», выдрала листок и повернула его к окну аппаратной. Гэри прочитал записку и кивнул.

— Да, я всегда буду ее отцом, — растроганно проговорил Том, хотя его голос царапал мне слух, словно наждачная бумага. — Но я не хочу, чтобы она запомнила меня таким.

18

Вдруг мне на ум пришло любимое изречение, которое я, ни о чем не подозревая, повторила всего несколько минут назад: «*Тот, кому сделали больно, делает больно другим*». Неужели Том сегодня сделает кому-нибудь больно?

На другом вырванном из блокнота листке я написала: «ЗВОНИТЕ 911» и тоже показала его Гэри. Тот понимающе кивнул и тут же набрал номер службы спасения.

Нужно, чтобы Том разговорился.

— Вы не хотите, чтобы дочь запомнила вас *каким*? — мягко поинтересовалась я. — Том, я знаю, что вы растеряны, но где логика? Вы не хотите, чтобы дочь видела вас грустным и расстроенным. По-вашему, лучше, если она увидит на полу гостиной ваше окровавленное тело?

— Я сейчас на кухне. — Мужчина разрыдался, и я едва разбирала, что он говорит.

— Подумайте, дружище. Может, лучше, чтобы дочь запомнила вас как человека, которого не сломила потеря близких? Ведь когда девочка подрастет, ей понадобится сильный отец, не так ли? Сколько лет вашей дочери, Том?

— Четыре года, — ответил он сквозь рыдания.

— Четыре? Ох, Том! — театральнo вздохнула я в микрофон, забыв, что на нем бесценный чехол Чада. — Значит, вы еще не видели, как у нее выпал первый зубик, как она впервые пошла в школу, улыбнулась мальчику. Разве вам не хочется быть рядом с ней в день ее первого свидания? Даже если вы расстанетесь с женой, разве вы не захотите помочь дочери, когда у нее появится потребность обсудить свои чувства к возлюбленному? Разве вы не мечтаете повести дочь к алтарю в день ее свадьбы?

Он не ответил, и я продолжала говорить. Я не замолчу, пока буду слышать, как он сопит в телефонную трубку. Мне нужно отвлечь его внимание.

— У меня двое детей, Том. Сын и дочь. Я редко говорю о них в своей передаче, потому что у дочери сейчас такой возраст, когда дети неохотно признают, что у них есть родители.

На другом конце провода — мертвая тишина. Я ждала с замиранием сердца, пока не услышала всхлип.

Он слушал. В отчаянии я сделала Гэри знак, чтобы он подошел к микрофону. Надо, чтобы кто-то мне отвечал, но я не стану вытягивать из Тома слова, если он не желает со мной общаться.

— Мои дети... — сказала я, указывая Гэри направление беседы. — Они замечательные, правда?

Гэри посмотрел на меня через окно аппаратной, словно олень, ослепленный светом фар, но наклонился к микрофону:

— Да, у тебя чудесная дочь.

Я благодарно ему улыбнулась:

— Верно. Кстати, дамы и господа, вам представилась редкая возможность услышать голос продюсера Гэри Рипли. Он тоже слушает вас, Том, и мы постараемся вам помочь.

— Я не нуждаюсь в помощи, — Том прошептал это бесстрастно и без всякого выражения, но в его голосе слышалась горечь. — Доктор Диана, вы сделали все, что могли, спасибо вам за это, но если вы просто скажете моей жене, почему я...

— А вот мой сын хочет всегда быть рядом со мной. Но ему всего пять лет! — продолжала я, чтобы не дать Тому возможность положить трубку. Если я заставлю его слушать или хотя бы сумею разозлить, у людей из службы спасения, куда позвонил Гэри, — *Господи, пожалуйста, хоть бы там не было занято!* — будет время доехать до обезумевшего слушателя.

Я продолжала говорить, словно не расслышала последних слов Тома:

— Большинство пятилетних малышей уже понимают, что они не найдены в капусте, и родителям приходится как-то объяснять их появление на свет. Что касается моей семнадцатилетней дочери, то она решила, что уже полностью сформировалась как личность и может поступать так, как ей вздумается.

20

Гэри широко раскрыл глаза, показывая, что следует избегать этой темы, что вряд ли разговоры о буйных подростках успокоят человека, собравшегося покончить жизнь самоубийством.

Я замялась, решив подойти с другой стороны.

— Как зовут вашу дочь, Том?

Он немного помолчал, откашлялся и сказал:

— Кейси.

— Какое чудесное имя! У вас один ребенок?

— Да.

— Дети такие милые, правда? Я никогда не думала, что буду мамой. Мы с мужем стали родителями через пять лет после того, как поженились. Первый ребенок у нас приемный. В течение трех лет я пыталась забеременеть, но доктора сказали, что шансов у меня один на миллион. Нам очень хотелось иметь ребенка, и мы удочерили замечатель-

ную девочку. Я думала, что наша семья всегда будет состоять из трех человек, но у Бога был другой замысел. Прошло двенадцать лет, и вот сюрприз! Новость о том, что у меня будет ребенок, была такой неожиданной, как появление кролика из шляпы фокусника, — или, полагаю, в век высоких технологий мне следует сказать, что я сделала тест на беременность, и ответ оказался положительным. Мы с мужем узнали, что я неожиданно забеременела. И когда я смотрю на сына, я вижу неоспоримое доказательство того, что Бог по-прежнему творит чудеса. Мой мальчик — настоящий ангел, он самый милый ребенок на свете... я готова спорить, он во многом похож на Кейси!

Надеясь, что Гэри сообщит мне какие-нибудь новости, я взглянула в окно аппаратной, но он, отвернувшись, что-то сосредоточенно объяснял по телефону. В наушниках я слышала его тихое бормотание и не могла разобрать слов.

Не теряя ни секунды, я продолжила рассказывать о моей семье. Я много раз повторяла эти слова, выступая перед митингующими за запрещение абортов и на банкетах для мам и дочек. В целях безопасности я редко распространялась о себе на радио, но этот случай был исключением из правил.

— Я люблю своих детей, Том. Уверена, что вы тоже любите Кейси. Я без колебаний рассталась бы ради них со своей жизнью, но знаю, что дети нуждаются во мне. Я хочу хорошо выглядеть на свадьбе дочери и потому правильно питаюсь и два раза в неделю занимаюсь спортом. Я хочу играть в мяч с сыном, а значит, мне нельзя курить. Да, можно сказать, я живу ради них. Уверена, что и вы тоже. Если родители любят своих детей, это происходит само собой. Вы согласны?

В трубке послышалось всхлипывание, а затем приглушенный голос:

— Да.

— Вот и замечательно, Том. Я рада, что вы так думаете. — Мне даже удалось беззаботно рассмеяться. — Сегодня утром мой малыш ворвался в спальню и разбудил меня, осыпав мое лицо поцелуями. Я подумала, что мне это

снится, но когда открыла глаза, то увидела, что он стоит в пижамке и держит в руках игрушечную обезьянку. Я спросила, что случилось, а он ответил: «Я целую тебя, чтобы пожелать доброго утра, мамочка. Ты же целовала меня, чтобы пожелать спокойной ночи!» — Теперь я рассмеялась от всей души. — Разве это не мило, Том? Наверняка ваша Кейси тоже иногда так делает.

Я напряженно ждала, что он ответит, и улыбнулась, услышав его голос:

— Да, бывает. Когда мы с ней танцуем, она любит вставать на мои ботинки. Конечно, это не совсем танец — я просто раскачиваюсь взад-вперед, а она старается удержаться и не упасть.

Гэри отчаянно махал мне рукой, показывая на Чада. Тот держал лист бумаги, на котором было написано: «ПОЛИЦЕЙСКИЕ ЖДУТ У ДОМА».

Я почувствовала, как мое беспокойство перерастает в панический страх, и закрыла глаза.

— Том, я хочу попросить вас об одной услуге. Сегодня вы позвонили, желая поговорить, и мне очень понравился наш разговор. Но моя работа заключается в том, чтобы помогать людям, и мы со своей стороны сделали все, что могли. Мне только что сказали, что к вашему дому подошли люди.

— Какие еще люди? — В голосе послышалась угроза. Очевидно, Том не мог посмотреть в окно с того места, где он стоял.

— Ваша жена и дочь на улице, верно? Вы так сказали. Они вернулись в дом?

— Никого здесь нет.

— Вы слышали, как отъезжала машина?

— Ничего я не слышал. Окна закрыты, ведь на улице холодно.

Определенно, он звонил не из Флориды.

— Я рада, что все спокойно. Послушайте, Том. Сейчас вы должны положить трубку, выйти из дома и посмотреть, уехали или нет ваша жена и дочь. Но сначала пообещайте,

что оставите пистолет на кухонном столе: мы же не хотим пугать Кейси, верно?

— Конечно, нет. — В ответе Тома не прозвучало резких интонаций, только голос был слегка встревоженным.

— Отлично. Положите пистолет на стол и выходите через парадную дверь. Убедитесь, что с Кейси все в порядке и обнимите ее за меня.

Я поморщилась, услышав на том конце провода глухой стук — наверное, трубка ударилась обо что-то твердое, возможно, о кухонный стол. В студии наступила тишина: мы все ждали затаив дыхание. Видимо, тот самый случай, когда пауза в эфире не кажется ошибкой.

Я протянула руку к другой кнопке. Что делать, если случится трагедия? Может, поставить рекламную паузу? Я посмотрела на Гэри. Тот, не сводя глаз с часов, отсчитывал секунды. Десять... пятнадцать... двадцать.

Тот, кому сделали больно, делает больно другим.

Сколько потребуется времени, чтобы связать человека? Наверняка больше, чем на то, чтобы *пристрелить*...

Я взглянула на монитор. Чад предложил поставить рекламу радиостанции. Через пять секунд я нажму на кнопку, и она раздастся в эфире, но...

В ухе зажужжал голос Гэри:

— Диана! Чего ты ждешь?

— Не знаю, — ответила я в микрофон, спугнув тишину эфира. — Мне кажется, это правильно.

Мы услышали какие-то звуки: приглушенные голоса, крик, странный лязг. Я вздрогнула, когда в телефонной трубке раздался незнакомый мужской голос:

— Вы доктор Диана?

— Да. А кто вы?

— Сержант Майкельсон, полиция Мемфиса. Мы уже в доме.

— А Том? Мужчина, с которым я разговаривала?

— Он связан, с ним все в порядке. Мы отвезем его в больницу, чтобы проверить на предмет психических отклонений.

Чад с видом победителя нажал на кнопку своего пульта. Взглянув на часы, я поняла, почему он оборвал разговор. Время местных новостей, передаваемых в начале и в конце каждого часа. В этих новостях не расскажут о незадачливом самоубийце из города Мемфиса, штат Теннесси.

Я взяла трубку и продолжила разговор с полицейским:

— Мы больше не в эфире, сержант. Вы видели на улице его жену и дочь?

— Они уже уехали, когда мы прибыли на место. Как только в службу спасения поступил звонок, мы стали слушать вашу передачу, чтобы знать обстановку. Когда он вышел на крыльцо, двое наших людей проникли в дом через заднюю дверь и забрали на кухне пистолет.

— Слава Богу! — На сердце у меня стало легче. — Вы уверены, что ему помогут? Если нет, он еще раз попытается убить себя, сержант. Для этого не всегда используется оружие.

Полицейский резко и язвительно рассмеялся:

— А то я не знаю, док! Но спасибо за бдительность.

24 Закончив телефонный разговор, я опустила голову. В соседней студии начали читать дневные новости, и я с облегчением вздохнула. Помогите мне Бог. Лучшее, что я могла сделать, это искренне произнести: «Благодарю тебя, Господи, за то, что Ты предотвратил трагедию!»

Наконец я подняла голову и в микрофон сказала Чаду, чтобы после новостей он поставил длинную рекламную паузу и двухминутную заставку. Мне нужно было сбегать в дамскую комнату и ополоснуть руки прохладной водой.

Я соскользнула с мягкого сиденья вращающегося кресла и направилась к двери, на ходу махнув Гэри рукой. Если бы полицейские стали стрелять в Тома или если бы он вышел из дома с пистолетом, все могло бы закончиться трагедией...

Сегодня небеса мне улыбнулись.